

Сегодня, глядя из Иерусалима в далекое прошлое, я публикую совершенно не-секретную переписку моего литературного героя Васьки Брыкина, проживающего в книге «Круговерть комаров над стоячим болотом», с главным редактором — в тот исторический момент — израильского литературного журнала «22» Рафаилом Нудельманом.

Васька Брыкин появился на свет в 1979 году после разговора с Яшей Цигельманом, когда он, член редколлегии журнала «22», сказал мне, что их «элитарное издание» обладает якобы «правом первой ночи». В переводе с языка крепостных литераторов это значило, что авторы как бы обязаны предоставлять журналу каждую новую вещь. Этакая рабская зависимость, согласитесь, закрывала перед ними двери иных, не менее уважаемых изданий. К тому же, опять-таки согласитесь, не очень приятно предлагать в другое уважаемое издание произведение, уже забракованное кем-то, не менее умным и авторитетным.

Тут меня и осенило: вам нужны творческие личности — безличности, знающие только один адрес? Пожалуйста, получите. И, согласуясь с расписанным по учебникам примером из отечественной литературы, я создал среди родных олив израильского Козьму Пруткова и Ивана Петровича Белкина в одном лице. Поселил его в провинциальном Кирыят-Гате, где жили мои родители, бабушка, тетя Софа с мужем и детьми, усадил за пишущую машинку «Москва» и сказал: «держай!» Так появился на свет писатель Васька Брыкин, большой любитель белоголовочки и женского пола. Был он по профессии моряк, по призванию литературный мистификатор, но при этом желал прослыть еще и признанным мастером слова в обеих израильских столицах разом, в Тель-Авиве и Иерусалиме. А чтобы прослыть им, необходимо было появиться во всей красе своего неисчерпаемого таланта на страницах журнала под забойным названием «22», престижного, прежде всего, по версии самих 22-х его верных авторов и столь же верных читателей, коих в то запойное время приходилось минимум по одному (читай: муж — жена) на брата-писателя.

Рожденный экспромтом, «верный человек и живой роман» Васька Брыкин начал с 1979 года регулярно посылать из Кирьят-Гата по почте свои новые произведения в журнал «22». И не кому-нибудь, а лично главному редактору Рафаилу Нудельману.

В результате творческого соревнования с графом Алексеем Толстым и братьями Жемчужниковыми, родителями Козьмы Пруткова, а заодно и с Александром Сергеевичем Пушкиным, отцом Ивана Петровича Белкина, под моим неунывающим пером возник первый на русскоязычной улице Израйла диссидентский роман в эпистолярном стиле.

В редакции «22» терялись в догадках: кто это так настойчиво стучится с улицы в их наглухо закрытую для посторонних дверь?

Не располагая возможностью самостоятельно разобраться в литературных достоинствах Васьки Брыкина, рискнувшего без маститого «рекомендателя» штурмовать неприступный Парнас, уважаемые редакторы не печатали ни строчки из его творений, превращая себя на его глазах во все менее и менее уважаемых.

Как же они были ошарашены, когда Васькин «самотек» внезапно преобразился в книгу. Это трудно воспроизвести, но легко вспомнить.

В 1982 году с выходом в свет произведений Васьки Брыкина, но уже под обложкой моей книги «Круговерть комаров над стоячим болотом», литературная мистификация раскрылась.

Книга, естественно, была отправлена с дарственной — Рафаилу Нудельману от Васьки Брыкина. Из провинциального Кирьят-Гата — в столицу средиземноморских литераторов Тель-Авив.

Рафаил Нудельман был несколько смущен, заодно и огорошен превращением никому не ведомого Васьки Брыкина в Ефима Гаммера.

И тут же откликнулся поэтическим посланием:

*«Вася Брыкин — это гений
Выше всех определений!
Как Эйнштейн во время оно
Ниспроверг он все каноны,
Создал новый тип романа,
И за то ему осанна!»*

2

В 1979-ом я не подозревал, что мои мытарства с устройством на работу по специальности, полученной в университете на журфаке, продолжатся еще год, и только с 1 ноября 1980-го я наконец-то официально превращусь в израильского журналиста, оформленного на ставку редактора радио «Голос Израйля». И не завтра-послезавтра, а спустя почти три года, в 1982-ом, выпущу в свет «Круговерть комаров над стоячим болотом», книгу, ставшую в одночасье сенсацией всего русскоязычного зарубежья — от Израйла до Франции, Германии, США. В Америке ее без уведомления автора издали в виде серии тонких книжек под названием «Литературные приключения Васьки Брыкина». А сейчас всего лишь осень 1979 года, и у меня на повестке дня срочная ездка в Кирьят-Гат.

Оттуда, из провинциального тихого города, я отправлю первое послание — «засыл», как пишет Васька Брыкин, в журнал «22». И тем самым наступательно, по Михайло Ломоносову, начну предметно доказывать, что может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов еврейская земля рождать.

Ассоциация первая

ПО АВГИЕВЫМ КОНЮШНЯМ ПАРНАСА

Эпистолярная повесть в стихах и прозе, рассказывающая о несостоявшейся любви между сильными мира сего и грандиозно известным в мире том Васькой Брыкиным, так и не домогшемся от них сердечного признания.

Засыл первый

Дорогой Рафа!

Пишу тебе по-еврейски, значит — на «ты»...

Как ты знаешь из истории русской журналистики и, надеюсь, не только русской, открытие таланта, а с ним и нового имени, всегда было одним из истинных стремлений толстого, еще не заленившегося от лежки на пыльных полках журнала. Тем более, сейчас, в пору, когда с массовым выездом в семидесятых годах советских людей за рубеж зарождается международная русская литература, столицей которой может стать Иерусалим. Правда, в том случае, если ты поддержишь меня и начнешь публиковать на страницах твоего приятного на вид издания. А не поддержишь, гляди, столицей обозначится Париж или Нью-Йорк. И ты со своим печатным органом окажешься в глухой провинции, как бывало прежде, когда под видом урожденного одессита жил в России, но не в столице ее белокаменной, не в Москве-матушке, а в стонке, привечаемой скорым поездом — «ту-ту!».

Если я верно понимаю цели и задачи твоего, в будущем всесветного журнала, то журнал — долгие ему лета, от его 22 до 120! — не должен без дрожи душевной поворотить меня назад в неизвестность. Ибо журналу при его 22-ух-х! не достает до ровного счета 11-ти зубариков, чтобы литературно-кусачий рот стал мудрым до краев и во всю пасть!

Видя своим критическим оком такое дело, я, Рафа, готов пойти к тебе навстречу и самолично, раз во мне столь острая нужда в танковых войсках нашенской литературы, заменить все недостающие 11, но на условии, что в игру принимаешь на равных. Разумею, конечно, ставка в нашей игре серьезная, и еще какая, зубы! Но не боись! Я без подвоха! Свои зубарики на полку не положу. А то противники дознаются и донесут тебе по советской привычке — якобы Васька — обманщик, зубы бережет от Алтаря Отечества, куда живот принято складывать. Поверь мне, Рафа! Я честный, я мОлодец, один из тех, из 33-ти бабки Черномора. Так что не подведу со своими зубариками. А насчет чужих... Эх, раззудись, рука! Да будет тебе, Рафа, известно, я по молодости лет быка с ног валил, когда мы сходились с ним поутру с бодуна.

Свои произведения, написанные, как ты уже, наверное, успел заметить взыскательным глазом, не каким доходягой-скелетиком, а вечным пером, никому я еще не предлагал, памятуя, что ленивые на шевеление мозгой журналы мне откажут в любви и дружбе. Ибо, если журнал не шевелит мозгой, редактор его — одно сплошное самомнение, без проблесков мысли.

Я же нуждаюсь в ином редакторе: с кругозором, с понятием, с игрой воображения! Только человек с гибкими извилинами, стремительной реакцией прирожденного журналиста, лишенный ложного, с отложением сала на физии самолюбия, в силах уразуметь, какие выгоды получит от союза со мной.

Полагаю, ты, Рафа, понял, в какое лабиринтное сердце клоню я со своими приношениями.

Если я не ошибся в тебе с нынешними своими, очень умозрительными представ-

лениями, то мы поладим. И столица международной русской литературы будет провозглашена в древнем Иерусалиме.

Васька Брыкин.

4

Семейные обстоятельства всегда заставляют ожидать лучшего. А тут ни работы, ни денег. Подработка тренером по боксу в поселении Гивон, что под Иерусалимом, практически не в счет. Чек на издание книги — добро неприкасаемое.

А нужно купить то, купить это.

Света, моя жена, на седьмом месяце. И разговоры сплошь не об издании книги, а о коляске, ползунках, детском питании и перспективах, коих в наличии не разглядеть даже в телескоп — не Марс, не Сатурн, не летающие тарелки.

5

Ассоциация вторая

Засыл второй

Дорогой Рафа!

Понимаешь, я малость поиздержался в матерном... извиняюсь, в материальном отношении. Хоть плачь, нет денег! Никак их не нашомеришь в нужном сердцу и душе количестве! (Шомерить — это по-израильски — «сторожить», то бишь, работать охранником.)

Однако, как все транжиры и моты, я отвергаю с презрением копейку, что рубль бережет, и намерен поправить положение — знаешь за счет чего? Нет, не знаешь! За счет безумных начинаний. Посему, беря пример — напрягись, и догадаешься с кого — намечаю открыть для обозрения свой орган, на сей раз печатный «Фаршированные крылья Пегаса».

Приглашаю к сотрудничеству. На тех же ваших условиях. Бесплатно! Но даю слово, тот, кто первым пришлет мне стихи или рассказ, корреспонденцию, либо статью, имеет реальную возможность стать первым заместителем главного редактора, второй, разумеется, не поспеет за первым, и будет признан вторым заместителем, третий, само собой, третьим. А для четвертого — бди и помни! — место уготовлено только в рядах славной, но уязвленной положением редколлегии.

Спешу — пиши, Рафа! Орган — не штука! Будет, я обещаю, и тебе где печататься.

И имей в виду, что именно отсель пойдет международная русская литература. Штаб-квартиру я обустрою в Израиле, а отделения в США, Англии, Франции, Германии.

Как тебе? Нравится? И мне нравится!

Заодно прими также новые творения моего ума, питаемого сердцем и неистощимым творческим духом.

Пока просто Васька Брыкин, верный человек и живой роман, а через месячишко — гляди уж! — главный редактор журнала «Фаршированные крылья Пегаса», призванного стать родоначальником международной русской литературы.

Ассоциация третья

Засыл третий

Приветствую тебя, Рафа, из солнечного Кирыт-Гата!

Имею удовольствие доложить, что придуманное мной понятие «Международная русская литература» мало-помалу складывается сейчас в сознании людей, независимо от того, в какой стране они проживают — в России, Израиле, Франции, Германии, Соединенных штатах Америки, Канаде или Австралии. Произошло то, о чем я сообщал тебе по секретке еще в самом начале нашего эпистолярного знакомства, когда я тебе пишу, а ты мне в ответ молчишь. Правда, и сейчас помыслить еще нельзя, что наша, диссидентского толка, литература, прежде создаваемая в России, а потом под рефрен «Мы не в изгнании, мы в послании» в Иерусалиме, Париже, Нью-Йорке, вернется в Россию и будет себя комфортно чувствовать в своем родном доме. В том отчем доме, из которого мы, теперь уже писатели и поэты разных континентов, вышли в семидесятых годах в кругосветное путешествие, представляя собой разнородный экипаж нового библейского ковчега.

Представляю, с какими айсбергами нам еще предстоит столкнуться. Но при этом полагаю, что команда корабля, подняв творческие паруса, не изменит намеченному курсу, не бросит якорь на полпути к заветному берегу.

Вспомним, экипаж библейского ковчега стал родоначальником всего современного человечества. Кто знает, может быть, и о нас впоследствии будут говорить, как о родоначальниках новой русской литературы, не имеющей уже никаких географических границ, как о создателях высокохудожественных произведений, ставших достоянием грядущей эпохи, уже свободной от советской цензуры. Разве снижается значение произведений Гоголя, Тургенева, Достоевского из-за того, что они написаны за границей? Или Набокова, Алданова, Солженицына, Аксенова, Войновича?

А, Рафа?

Я уехал из Советского Союза в Израиль, когда лидеры государства ошибочно провозглашали, что «создана новая общность советских людей — советский народ». Уже тогда было ясно, что народы искусственно не создаются. Но что можно, так это создать творческое содружество людей различных национальностей, объединенных общностью языка и культуры. Для этого достаточно того, что в нашем мире есть русский язык! И есть мы!

Согласись с тем, что мы есть, и вперед. Но ты молчишь. Опять молчишь, как будто нас нет. В себе я уверен, Рафа: я живу, я существую.

Васька Брыкин,
провозвестник Союза международной русской литературы.

Ассоциация четвертая

Засыл четвертый

Здравствуй, Рафа!

Скажи душа — любезный друг, почему на тебя нашла болезнь-молчанка? Я тебе уже столько написал! Хватит на собрание сочинений, чтобы обессмертить наши име-

на. Я не жадный, славой завсегда с тобой поделью, что и делаю, заметь своим трезвым умом, сейчас, на этих страницах. Парнас ведь, который дрязгами засеян, как коммуналка. Мест для всех Пегасов хватит, по Авгиевым конюшням засевающим. Но с тобой никак не договоришься. А с кем, заметь, можно договориться, когда говоришь в один адрес, и все без ответа? Я ведь — скажу тебе по секрету — вывожу на каждом письме симптоматичными, сиречь тайными чернилами — «Лети с приветом — вернись с ответом». Прогладь меж строк горячим утюгом — текст и выявится на бумаге. Но, верно, нет у тебя утюга в наличии.

Тогда без утюга и не между строк!

Пусть мое тайное станет явным. Без всяких лабораторных анализов и химических экспериментов!

Я же, как истинный патриот Израиля, только для вашего журнала старался. Мечтал, чтобы ты и твои члены редколлегии — бойцы незримого для читателей фронта — раскрыли мой недоужинный талант, каковой библиофилы грядущих лет двадцать первого века будут с лупой у глаз выковыривать из всех 22-ух-ух! Ан, нет, ошибся в тебе...

Адью, Рафа! Не хотел печатать меня за патриотизм, потом возмечтаешь печатать за деньги. Те из них, которые не пахнут, жертвую на свободу печати.

Васька Брыкин,
главный редактор журнала «Фаршированные крылья Пегаса»,
независимого и самого свободного в мире.

8

Алкоголикам — раздолье, язвенникам и трезвенникам — беда. Пей вдоволь, хоть залейся водкой, коньяком, вином. Ходи враскачку, ходи на карачках, хоть пособачьи, перебирая лапами, никакой полицейский в Израиле не остановит, в каталажку не потащит, штраф не выпишет.

Пурим!

В ночь со второго на третье марта 1980 года пошел валить снег. Первый снег на моей памяти в Иерусалиме, небывалая радость в самый карнавальнй праздник, когда евреи всего мира отмечают с бокалом и стопкой свое чудесное спасение от всеобщего уничтожения. Было это 2400 лет назад в персидском царстве-государстве, которым правил Ахашверош — царь, не имеющий, пожалуй, семи пядей во лбу. По его глупости и благодаря проискам придворного злодея Амана еврейская община страны была обречена на смерть, но спасение пришло от мудреца Мордехая и его воспитанницы — царицы Эстер.

«В Пурим, — сказано в Талмуде, — надо обязательно напиться так, чтобы не отличать проклятий Амана от благословений Мордехая».

В этот момент, когда мы и наши гости готовы были напиться до предписанных в Талмуде требований, моя жена внезапно надумала рожать.

— Ой, Фима! Приспело! — сказала как-то растерянно.

Я за руль. И — скорей! Скорей!

На четвертом этаже больницы волосатые руки акушера — роста он был выдающегося, два метра, не меньше! — подхватили Свету прямо в коридоре — и в родильное отделение.

Не прошло и пяти минут, как я услышал младенческий крик. И понял: так ликующе способен кричать только мой сын Рон Гаммер.

Человек родился! Первый «сабра» — коренной израильтянин — родился в нашем очень многочисленном семействе.

Тогда я и решил: если мне доведется учредить литературную премию, то назову ее...

И назвал — «Премия Рона».

ПРЕМИЯ РОНА

Редакция журнала «Фаршированные крылья Пегаса», где главный редактор Васька Брыкин, учредила международную литературную премию имени Рона. Этой — отныне и навсегда! — по-настоящему престижной премии смогут удостоиться только те из кандидатов на бессмертие, кто не столько думает о бессмертии, сколько работает пером и мозгами. Первое и единственное условие: кандидаты принимают участие в конкурсе на общих основаниях. Общих оснований не так уж много — всего одно: необходимо прислать в редакцию свое произведение, не важно — в стихах или прозе. Важно, чтобы оно соответствовало уровню дарования автора. На конкурс принимаются как изданные, так и не изданные произведения. Первые выигрывают! Вторые не проигрывают! А третьих в наличии нет! Итак, седлайте Пегаса, и вперед на Парнас. Славой поделимся — не жадный!

9

Ассоциация пятая

Вскоре после издания «Круговерти комаров над стоячим болотом» — книги о Ваське Брыкине, «верном человеке и живом романе», русском по паспорту в России и еврее по Галахе в Израиле, я получил напечатанное на официальном бланке стихотворное послание главного редактора журнала «22» Рафаила Нудельмана, стилизованное под штиль моего литературного героя.

Публикуется впервые — библиографическая редкость!

ДРУГ ВАСЯ!

*Получивши опус твой,
Спешу поздравить, дорогой!
Выпустить такую книгу —
Не властям в кармане фигу
Показать, как все мы «там»
Норовили «тем» властям.
Полагаю, что пророк
Все же прав был, что изрек.
Хоть и вычеркнул ты, Вася,
Я с Игнатием согласен:
Быть тебе лауреатом,
Знаменитым и богатым,
И тебя прославит хором
Весь писательский наш форум.
(Даже те, кто по злобе
Позавидует тебе.
Есть еще такие, Вася,
В эмигрантской нашей массе).
И врагам твоим назло*

*Почет к тебе в Гило
Полноводною рекой
Чек на опус новый твой.
Шаг свершил ты эпохальный,
Хоть кому-то и нахальным
Показаться может он.
— Как? — вскричит он, уязвлен.
Ты на эти злопыханья,
Вась, не обращай вниманья:
Хоть и нету чувства ниже —
Зависть, Вася, миром движет!
Так что, может, и завистник
Что-нибудь в отместку тиснет,
А ему в ответ другой
Клеветон напишет свой —
И начнется литпроцесс:
«Кто кого сильнее уест!»
Я ж, от зависти свободен,
Говорю при всем народе:
Вася Брыкин — это гений,
Выше всех определений!
Как Эйнштейн во время оно,
Ниспроверг он все каноны,
Создал новый тип романа,
И за то ему — осанна!
Вот он, грянул, наш Мессия —
Брыкин-Гаммер из России!*

*Вася, остаюсь в надежде,
Что напишешь мне, как прежде,
Не взирая на роман.
Остаюсь, Нудельман.*

Добившись полного признания, «верный человек и живой роман» Васька Брыкин тут же откликнулся литературной премией Рона, названной в честь моего сына, которой на равных были удостоены личный его оппонент Рафаил Нудельман и личный его автор Ефим Гаммер, то бишь я.

В денежном эквиваленте премия составляла всего пятьдесят долларов. Вся эта сумма и была переслана по почте Рафаилу Нудельману. Больше Васька, даже после сдачи бутылок в ларек, не смог раздобыть: «оле-хадаш» — новый репатриант. Одно удовольствие, что и пятьдесят долларов — тоже деньги, в особенности, если вручены с Почетным Дипломом лауреата. В сопровождении Васькиных стихов на случай:

*Раз осанна, так осанна!
Петь и я умею то ж.
Рафаилу Нудельману
отдаю последний грош,
ибо он своей осанной
очень в сердце Васьки вхож.*

*По простецки, рад я, Рафа,
что добился ныне права
быть отмеченным тобой.
Руку жму, как прежде, правой,
и готов, как прежде, славой
поделиться, я — такой!
И редакторское кресло,
если станет мне в нем тесно,
мог бы, Рафа, уступить.
Но ведь ты, заметь-ка честно,
на мое не сел бы место.
Так что... Так тому и быть —
на Парнас тропой болезной
будем вместе восходить.*

*Ты условие исполнил.
Стих прислал. При свете молний
я его читал. Уверен,
ты достоин всяких премий.
Но учти, во время оно,
лучше нет, чем... точно... Рона!*

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ
ПРЕМИЯ РОНА

лауреаты (по алфавиту)

Е. ГАММЕР
Р. НУДЕЛЬМАН

3 марта 1983 года

Эта премия была вручена Рафаилу Нудельману точно в указанный срок.

В день рождения — трехлетие — моего сына Рона, первого коренного израильянина — «сабры» в нашей семье, который появился на свет в заснеженном по-русски Иерусалиме 3 марта 1980 года.

